

Толстой и Руссо

Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВ

Нравственная философия графа Л. Н. Толстого

VII

Граф Л. Н. Толстой и Ж.-Ж. Руссо; тождество их основных положений. — Утилитарное отношение к наукам и искусствам; цивилизация как источник неравенства. — Отрицательное отношение к собственности. — Противоречие между теорией графа Толстого и его творчеством.

Если мы захотим в нескольких словах выразить сущность нравственного учения графа Толстого, мы увидим, что оно сводится к требованию жить как можно проще, как можно ближе к природе; при этом предполагается, конечно, что по природе своей человек склонен к добру и что внешние условия (государственные и общественные правила, законы, учреждения) не улучшают, а искажают природу.

Тезис этот не новость в истории философии, и самым ярким представителем его является Ж.-Ж. Руссо. Чтоб убедиться в том, насколько мировоззрения Руссо и графа Толстого близки между собой, стоит только прочесть статью «О назначении науки и искусства» и увенчанную в 1750 году Дижонскою академией речь о том: «Содействовало ли восстановление наук и искусств очищению нравов?». На статью «О назначении науки и искусства» я уже не раз ссылался выше, а теперь позволю себе привести некоторые места из речи Руссо.

Описав привлекательность внешней стороны своего времени и своей среды, Руссо замечает: «Как сладко было бы жить посреди нас, если бы внешность служила всегда выражением сердечного расположения, если бы приличие было добродетелью, если бы наши правила действительно руководили нами; если бы истинная философия была неразрывна с названием философа. Но столько качеств редко встречаются вместе; и добродетель никогда не является так торжественно. Роскошь в наряде может указывать на богатство, а изящество — на вкус человека: но человек здоровый и сильный узнается по другим приметам. Под деревенскою одеждою пахаря, а не под позолотой придворного можно найти телесное здоровье и силу. Не менее чужда нарядов и добродетель — это здоровье и сила душевные. Человек добродетельный есть атлет, который любит сражаться нагим: он презирает все ничтожные украшения, которые помешали бы ему развернуть свои силы и большая часть которых придумана только для того, чтобы скрыть то или другое уродство».

«Иностранец, житель какого-нибудь отдаленного края, если бы захотел составить себе понятие об европейских нравах на основании состояния наук, совершенства нашего искусства, приличия наших зрелищ, вежливости наших манер, любезности наших речей, постоянных проявлений доброжелательства и стечения толпы людей всех возрастов и состояний, которые, по-видимому, с восхода до заката солнца спешат взаимно услужить друг другу, — такой иностранец сделал бы о наших нравах догадку, прямо противоположную действительности».

«Где нет действия, там незачем искать и причины, но здесь действие несомненно и упадок налицо, души наши разворачивались, по мере того как наши науки и искусства двигались к совершенству».

«Ежедневные повышения и понижения вод океана не более правильно связаны с течением ночного светила, чем судьба нравов и честности с успехом наук и искусств. Добродетель, видимо, бежала, по мере того как свет их возрастал над нашим горизонтом, и то же явление замечалось всегда и везде».

«Есть древнее предание, перешедшее из Египта в Грецию, что Бог, враждебный спокойствию людей, изобрел науки. Какое же мнение должны были иметь о них сами египтяне, у которых они родились? Дело в том, что они близко видели породившие их источники».

«В самом деле, будем ли мы перелистывать всемирную летопись или заменим недостоверную хронику философиче-

скими исследованиями, мы не найдем у человеческих знаний происхождения, соответствующего той идее, которую охотно составляют себе о нем. Астрономия родилась из предрассудка, красноречие из честолюбия, ненависти, лести и лжи, геометрия из скупости, физика из праздного любопытства, все, даже мораль, из человеческой гордости. Значит, и наука и искусство своим возникновением обязаны нашим порокам: мы бы менее сомневались в их пользе, если б они были обязаны им добродетели».

«Как унизительны для человечества эти размышления! Как? Честность есть дочь незнания? Науки и добродетель несовместимы? Каких заключений нельзя вывести из таких предпосылок! Но для того, чтобы согласить эти кажущиеся противоречия, стоит только поближе рассмотреть пустоту и ничтожество великолепных наименований, ослепляющих нас, и которые мы так напрасно приписываем человеческим знаниям».

Этим скептическим отношением к самостоятельному значению науки и искусства не исчерпывается сходство между взглядами Руссо и графа Толстого; одинаково отрицательно оба они относятся и к их практическим результатам.

«Если науки наши суетны по самому предмету своему, — говорит Руссо, — то они еще более опасны по тем результатам, которые вызываются ими. Рожденные в праздности, они в свою очередь питают ее, и непоправимая потеря времени есть первый ущерб, неизбежно наносимый ими обществу. В политике, так же как и в нравственности, великое зло не делать добра; и каждый бесполезный гражданин может рассматриваться как человек вредный. Ответьте же мне, славные философы, вы, благодаря которым мы знаем, в какой пропорции тела притягиваются в пустоте, как вращаются планеты, какое отношение моментов, пройденных в равное время, какие кривые имеют точки сопряжения, точки склонения и возвращения, как человек все видит в Боге, как душа и тело друг другу соответствуют не будучи связаны, подобно двум часам, какие светила могут быть обитаемы; какие насекомые рождаются необычайным образом: ответьте мне, говорю я, вы, от кого мы получили столько высоких познаний: если бы вы нас никогда ничему не научили изо всего этого, были ли бы мы менее многочисленны, хуже ли управлялись бы, или стали бы менее грозны, менее цветущи, или более развратны? Не кичитесь же важностью ваших произведений, и, если работы самых просвещенных из наших ученых и лучших из наших

граждан приносят нам так мало пользы, скажите нам, что нам думать об этой куче темных писателей и праздных образованных людей, которые совершенно бесплодно пожирают достоинство государства?»

«Потеря времени великое зло, но другие худшие сопровождают науки и искусства. Такова роскошь, рожденная в праздности и тщеславии людей. Роскошь редко встречается без наук и искусств, а они никогда не встречаются без нее. Я знаю, что философия наша, всегда обильная странными положениями, утверждает, вопреки опыту всех веков, что роскошь составляет блеск государств: но, забыв необходимость сумптуарных законов, посмеет ли она отрицать и то, что добрые нравы существенны для прочности государств и что роскошь диаметрально противоположна добрым нравам?»

Отсюда ясно, что для Руссо, так же как и для графа Толстого, технические знания только пособие для роскоши, развращающей нравы, а чистое знание и искусство — праздная забава.

Так же как и граф Толстой, главный источник неравенства он видит в государственных и общественных условиях. «Легко убедиться, — говорит он, — что многие из особенностей, различающих людей, считаются естественными, хотя они составляют исключительно продукт привычки и различия в образе жизни, принятом людьми в обществе». По мнению Руссо, это относится одинаково и к физической, и к умственной природе человека. Неравенство едва чувствительно в естественном состоянии и влияние его там ничтожно, но оно возрастает с каждым шагом на пути культуры, потому что «если великан и карлик пойдут одною дорогой, каждый шаг их будет давать новое преимущество великану».

Замечание это совершенно справедливо, и не нужно даже такой первоначальной разницы, как между великаном и карликом, чтобы в конце дороги одному из спутников удалось значительно обогнать другого. Но это только при том условии, чтобы первоначальное различие между ними сохранялось в течение всего пути. А едва ли возможно указать на что-либо подобное в истории цивилизации.

«Первый, кто огородил землю и вздумал сказать: *это мое* и нашел людей довольно простодушных, чтобы поверить ему, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, скольких войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, вырвав колья и зарыв канаву, закричал бы себе подобным:

Берегитесь слушаться этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому!»

«Но, — замечает Руссо, — весьма вероятно, что тогда уже положение вещей было таково, что не могло продолжаться далее»¹.

Здесь кончается сходство между Руссо и графом Толстым, оба признают существующий порядок вещей несправедливым и ненормальным; но Руссо старается объяснить его возникновение и придумать нечто другое, что бы могло заменить его; графу Толстому кажется достаточным исчезновение этого порядка, чтобы все устроилось само собою.

Руссо для идеального государства придумывает фикцию общественного договора и заставляет служить свою фантазию то для того, чтобы восстановить жизнь первобытных людей, то для того, чтобы представить себе идеального воспитателя, воспитанника или священника. Но сквозь романическую форму его произведений и их риторические прикрасы то и дело проглядывает скелет отвлеченной мысли. Совершенно обратное видим мы у графа Толстого, даже там, где он хочет быть только логичен, сами собою являются краски и образы, и художник то и дело заслоняет мыслителя. Художник настолько преобладает в графе Толстом, что даже чисто философские мысли, когда они выражаются им в беллетристической форме, не проигрывают, а скорее выигрывают и в яркости, и в точности.

Сравните, например, размышления Левина с философскими статьями графа Толстого и вы ясно убедитесь в этом. То положение, в которое поставлены действующие лица, делает вполне понятным, правдивым и реальным то, что они думают, здесь нужна не абсолютная, не метафизическая истина, а правда художественная и психологическая, и мы не можем не видеть и не понять ее в этих образах. В теоретических статьях гр. Толстого, наоборот, сквозь мнимую отвлеченность и логичность его положений то и дело проглядывает субъективное настроение.

Граф Толстой даже и не старается быть спокойным и объективным. «Мыслитель и художник никогда не будут спокойно сидеть на олимпийских высотах, как мы привыкли воображать. Мыслитель и художник должен страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение и утешение»².

Что мыслители и художники должны часто страдать больше других, это совершенно справедливо и обуславливается большою чувствительностью их темперамента; но, чтоб их произведения должны были быть результатом именно этих страданий,

нельзя утверждать без явной натяжки: это все равно что утверждать, что судья, чтобы постановить справедливый приговор, должен негодовать на преступника или жалеть о нем, или хирург, чтобы хорошо сделать операцию, должен страдать вместе с больным.

Только тогда, когда страдание, любовь, вообще какие бы то ни было движения человеческого духа пережиты и он может относиться к ним спокойно, только тогда возможно и для художника и для мыслителя их объективное воспроизведение и их беспристрастная оценка.

Нужны или нет для человечества науки и искусства — это вопрос, о котором можно спорить, как это и делают Руссо и граф Толстой; но несомненно, что они возможны только там, где заботы и злоба дня не поглощают всего человека.

Цель науки составляют отвлеченные истины, цель искусства — художественная правда и красота; можно находить, что ни отвлеченные истины, ни красота не улучшают удел человечества, но нельзя навязывать ученому и художнику еще других целей, потому что цели эти могут быть несовместимы.

Научная истина может быть полезна, но не потому, что при изыскании ее имелась в виду практическая польза, а потому, что она есть *истина*, на прочном основании которой можно строить какие угодно практические выводы. Наоборот, как только в научное исследование вносится вопрос о тех или других нравственных или практических результатах, оно становится тенденциозным и вместо точных научных положений получают фантастические гипотезы, все равно будут ли они относиться к изысканию философского камня или к исследованию нравственного или общественного вопроса.

Художественное произведение доставляет эстетическое наслаждение не потому, что художник хотел доставить удовольствие зрителям или слушателям, а потому, что оно красиво. Только тот художник, который, по крайней мере во время творчества, совершенно забывает о публике, чтобы погрузиться в созерцание предмета, в состоянии создать нечто крупное.

В этом заключается ответ на вопрос графа Толстого: «Отчего бы, казалось, людям искусства не служить народу? Ведь в каждой избе есть образа, картины, каждый мужик, каждая баба поют; у многих есть гармонии и все рассказывают истории, стихи и читают многие. Как же так разошлись две вещи — сделанные одна для другой, как ключ и замок, — разошлись так, что не представляется даже возможности соединения? Скажите живописцу, чтоб он писал без студии,

натуры, костюмов и рисовал бы пятикопеечные картинки; он скажет, что это значит отказаться от искусства, как он понимает его. Скажите музыканту, чтоб он играл на гармонии и учил бы баб петь песни; скажите поэту-сочинителю, чтоб он бросил свои поэмы и романы и сочинял песенники, истории, сказки, понятные безграмотным людям; они скажут, что вы сумасшедший»³.

Как бы ни было желательно распространение в народе науки и искусства, для этого необходимо, чтобы существовали истинная наука и истинное искусство, а погоня за общедоступностью научных и художественных произведений, хотя бы она исходила из совершенно иных и бескорыстных мотивов, по результатам своим ничем не отличается от погони за популярностью, и если бы, чего избави Боже, художники увлеклись проповедью графа Толстого, это неизбежно повлекло бы к огрублению и опошлению искусства.

Если бы жизнь человеческая исчерпывалась материальными ее проявлениями, взгляд графа Толстого на науки и искусство имел бы достаточное основание, тогда единственным серьезным делом было бы то, что поддерживает эту материальную жизнь, то есть физический труд, а науки и искусства имели бы смысл лишь настолько, насколько содействуют ему или служат от него отдыхом.

Но для того, кто признает, что материальная жизнь есть не цель, а только почва и необходимое условие жизни духовной, истина и красота не могут иметь значения средств для улучшения, сна или пищеварения, хотя бы и не отдельных лиц, а целых народных масс.

Как бы высоко мы ни ценили значение физического труда и материальной благотворительности, мы не должны забывать, что не о едином хлебе жив будет человек. Только с точки зрения узкого материализма можно последовательно провести тот взгляд на науку и искусство, который пытается отстаивать в своих последних статьях граф Толстой, но «Война и мир» или «Анна Каренина» навсегда останутся достаточным опровержением его теории.

